

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(2): 641-653
 DOI: 10.13187/bg.2025.2.641

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Arungazy Abulgaziev: An Unrecognized Kazakh Khan by the Russian Empire

Gulbanu B. Izbassarova ^{a, *}, Nazgul K-M. Khaji-Mukhan ^a

^a K. Zhubanov Aktobe Regional University, Aktobe, Republic of Kazakhstan

Abstract

This article is dedicated to Arungazy Abulgaziev (1785/1787–1833), a Kazakh khan unrecognized by the Russian Empire. Based on archival sources, the study examines the life and activities of this Kazakh Chinggizid, as well as his final years spent in Kaluga. The study examines the period of rule of the Chinggizids from the Kaip dynasty (ancestors of Sultan Aryngazy) in the Khiva Khanate, with a particular focus on their relations with the Russian Empire. It explores their efforts to secure the same privileges as the Khan Abulkhair's descendants, as well as the causes of the conflict between Aryngazy Abulgaziev and the Khan of Khiva. The publication also investigates the interactions between Orenburg Military Governor P.K. Essen and Sultan Aryngazy, along with Khan Shergazy Ayshuakov. It highlights Essen's attempts to appoint Aryngazy as the khan of the Junior Horde and examines the role of A. Abulgaziev during the diplomatic mission of Y. Gaverdovsky to Bukhara.

The research analyzes the underlying causes of the crisis of supreme authority in the Steppe, the reasons for the shift in allegiance of the Kazakhs from Khan Shergazy Ayshuakov to Aryngazy Abulgaziev, and the latter's policies aimed at consolidating his power in the Junior Horde. Additionally, the study provides insights into the genealogy of the Kazakh Chinggizids.

The article also delves into the activities of the Asiatic Committee of the Ministry of Foreign Affairs, which played a decisive role in determining the fate of the Chinggizid Aryngazy Abulgaziev and, more broadly, the question of supreme authority in the Kazakh Steppe. This work identifies the reasons behind the detention of the Kazakh ruler in the capital and his subsequent exile, while also presenting details about his family and their lives following Aryngazy's death. The article also provides a detailed investigation into the activities of the Asian Committee of the Ministry of Foreign Affairs, which deliberated on the fate of the Chinggizid Aryngazy Abulgaziev and, most importantly, the existence of supreme power in the Kazakh Steppe.

Keywords: Arungazy Abulgaziev, Shergazy Ayshuakov, Russian empire, Khiva, Kazakh Steppe, Asian Committee, Chinggizid, the Khan's authority.

1. Введение

В начале XIX в. в Казахской степи разыгралась борьба за верховную власть. Начавшееся в конце XVIII в. противостояние между чингизидами дома Абулхаира и Каипа привело в начале следующего столетия к кризису ханской власти. После отставки престарелого хана Айшуака Абулхайрова (1797–1805 гг.) ханом был назначен его старший сын Жанторе (1805–1809 гг.). Это вызвало недовольство у старшего из внуков хана Абулхаира – Каратая Нуралиева. Если он ранее как-то смирился с провозглашением дяди правителем Младшего жуза, то после назначения ханом его двоюродного брата Жанторе, он возглавил группу чингизидов, выступивших против нового хана, что закончилось его убийством. После смерти Жанторе Айшуакова ханом был назначен его брат – Шергазы Айшуаков (1812–1824 гг.). Это вызвало вспышку гнева, что в дальнейшем вылилось не только в борьбу за власть между казахскими чингизидами, но и в открытое сопротивление против оренбургских правителей.

* Corresponding author

E-mail addresses: iz_gulbanu@mail.ru (G.B. Izbassarova)

Борьбу за верховную власть вначале вели три чингизиды: Шергазы Айшуаков (легитимный правитель Степи, назначенный российской администрацией), Каратай Нуралиев (в 1806–1816 гг. был ханом части казахов Младшего жуза, но не признан российской администрацией), Арынгазы Абулгазиев (избран ханом казахами Сырдарьи, в котором российское правительство видело «непокорного и бунтующего самозванца»).

2. Материалы и методы

Данная статья написана на основе материалов по истории Казахской степи XIX в., отложившихся в центральных архивах Российской Федерации: Архиве внешней политики Российской империи (Москва), Российском государственном военно-историческом архиве (Москва), Российском государственном историческом архиве (Санкт-Петербург), а также Объединенном государственном архиве Оренбургской области (Оренбург).

Использованные документы можно разделить на официальные, включающие в себя «Журналы» заседаний Азиатского комитета МИД, материалы личного происхождения, жалобы, прошения. К официальной группе источников относятся также представления, записки членов российского посольства в Бухару 1820 г., которые в период экспедиции и после возвращения в столицу по запросу МИД и оренбургского военного губернатора представляли сведения о султанах Арынгазы Абулгазиеве. В частности, 27 ноября 1820 г. глава российской миссии А. Негри из Куандарьи сообщает о причинах разделения казахов Младшего жуза на две группы: приверженцев Арынгазы и Маненбая, приводит информацию о подвластных родах двух чингизидов, предоставляет сведения о столкновениях казахов с хивинцами, характеризует Арынгазы как человека, соединяющего «деятельность, с правилами чести». Данная группа источников важна тем, что авторы являются прямыми участниками или свидетелями описываемых исторических событий.

Вызывает интерес также следующий источник: «Замечания А. Левшина на инструкцию, данную полковнику Бергу от МИД». Указанный документ возник 8 апреля 1823 г. после решения МИД отправить Ф.Ф. Берга в Казахскую степь. А. Левшин, анализируя положение в Степи, дает характеристику видным представителям казахских чингизидов: хану Ширгазы, султанам Каратаю Нуралиеву, Арынгазы Абулгазиеву, Темиру Ералиеву и др. Предлагая меры для успокоения Степи, он обращается к опыту управления оренбургским краем И.И. Неплюева, А. Апухтина и др. «Замечания» А. Левшина важны тем, что, проанализировав данные, приведенные в источнике, можно получить сведения об эволюции механизмов управления Степью, возникает возможность проследить, как меняется мнение представителей российской администрации в отношении определенных личностей, а также причины, способствовавшие этому.

Как самостоятельный вид источников выступают письма казахских ханов, которые сохранились в фондах Российского государственного исторического архива (РГИА). В частности, письма Арынгазы Абулгазиева из Калуги, письма казахского хана Шергазы Айшуакова. Эта группа источников наполняет историю мыслями, переживаниями конкретных личностей, в нашем случае – казахских чингизидов, позволяет понять точку зрения авторов, представить взгляд на причину происходящих исторических событий от первого лица.

Основными методами работы явились системно-исторический и историко-сравнительный, которые помогли нам выявить, во-первых, основные этапы политики российской администрации по вопросу ликвидации ханской власти. Во-вторых, изучение «Журнала» заседаний Азиатского комитета и анализ основных доводов, высказанных М. Сперанским на его заседании о ликвидации ханской власти в Младшем жузе казахов, позволяет нам установить сходства и различия между политикой империи на территории Среднего и Младшего казахского жузов, познать взаимосвязь политики казахских ханов по отношению как к Российской империи, так и к Хивинскому ханству.

Принципы историзма и объективности помогли рассмотреть положение дел в Казахской степи в начале XIX в. в конкретных связях и отношениях казахской элиты с российской администрацией с одной стороны, а с другой – с центрально-азиатскими ханствами, изучить причины возникновения конфликта между чингизидами, а также выявить причинно-следственную связь между историческими событиями, определить взаимозависимость и решающее воздействие на функционирование института ханской власти роли личности, в частности, султана Арынгазы Абулгазиева.

3. Обсуждение

Тема, рассматриваемая в данной статье, была объектом немногих исследований. Чиновник Министерства иностранных дел А.И. Левшин, лично встречавшийся с казахскими чингизидами, описывая историческую ситуацию в Степи после смерти хана Жанторе Айшуакова, пишет, что более двух лет в Младшем жузе после этого случая не было верховного правителя. Описывая борьбу чингизидов из дома Абулхайра и его противника Каипа, автор обратил внимание на тот факт, что противоборство перешло к детям, внукам и правнукам знаменитых чингизидов. Он отметил, что султаны Барак, Батыр, Каип, Абулгазы, хотя и были избраны в ханы своими приверженцами, но не были утверждены российским правительством. Автор обратил внимание на султана Арынгазы как на

одного из достойнейших среди всех своих предков, который продолжил борьбу за власть с домом Абулхаира (Левшин, 1996: 284).

Арынгазы Абулгазиев в 1820 г. сопровождал российское посольство в Бухару. Участник данного посольства Е. Мейендорф в своем труде «Путешествие из Оренбурга в Бухару» дает географическое, этнографическое, экономическое описание всего маршрута экспедиции. Встреча с казахским чингизидом, его поступки, отношение к нему подданных дали возможность обратить на него внимание российских чиновников. Е. Мейендорф описал посещение аула Арынгазы султана, который состоял примерно из 50 юрт, а также увиденный на обратном пути 7 апреля 1821 г. в степи результат сражений казахов с хивинцами, когда последние, напав на бухарские караваны, идущие из Оренбурга, Троицка и Орска, получили большую добычу. Здесь же приведен краткий рассказ о сражении султана Арынгазы с хивинцами (Мейендорф, 1975).

Следующий участник экспедиции Э. Эверсман, также описав весь путь экспедиции, приводит рассказ о вынесении решения казахи за кражу лошади султаном Арынгазы в своем ауле 17 октября 1820 г. (Эверсман, 2023: 14-16). Но данные сведения фрагментарны, так как описание политической ситуации в Степи не входило в задачи экспедиции.

Л. Мейер, изучив казахское общество, в том числе социальную структуру, обратил внимание на верховную власть в Степи. Описывая период правления хана Шергазы Айшуакова, он проанализировал деятельность хана, отношение к нему его подданных, уделил внимание взаимоотношениям хана с султанами Арынгазы Абулгазиевым, Каратаем Нуралиевым, указал на особое отношение оренбургского военного губернатора П.К. Эссена к султану Арынгазы (Мейер, 1865).

А.И. Добросмыслов в своей работе «Тургайская область. Исторический очерк» описывает политический кризис произошедший в Казахской степи в начале XIX в., борьбу за власть между чингизидами, критикует политику оренбургского начальника П.К. Эссена (Добросмыслов, 2010).

Исследователи истории Казахской степи XIX в., изучая политику П.К. Эссена, обязательно останавливаются на проблеме взаимоотношений оренбургского военного губернатора с казахскими чингизидами. Московский ученый Д.В. Васильев в своей монографии проанализировал политическую ситуацию в Младшем жузе в начале XIX в. Основное внимание во второй главе монографии уделено изучению борьбы за власть между казахскими чингизидами. Эпоха правления оренбургского военного губернатора П.К. Эссена, который сделал ставку на султана Арынгазы и привел в замешательство Младший жуз казахов, рассматривается как «дестабилизация» в регионе (Васильев, 2014). Д.В. Васильев акцентировал внимание на различиях в трактовке деятельности казахского хана Шергазы и султана Арынгазы российской администрацией. Автор пишет: «...объяснение в различии трактовок одних и тех же событий, а также в политической тактике в этом регионе следует усматривать в том, что центральное правительство все еще до конца не было готово подчинить Казахскую степь своему прямому контролю и вынуждено было полагаться на опыт и мнение местного руководства, которое могло не совпадать с правительственной точкой зрения» (Васильев, 2014: 201-202).

Г.Б. Избасарова, А.Т. Маден, С.О. Смагулова в своей статье «Кризис ханской власти в Младшем жузе казахов (II половина XVIII – I четверть XIX вв.)» изучили политическую ситуацию в Казахской степи в указанный период и, выявив основные причины кризиса, связали его с политикой Российской империи на окраине, в частности – с деятельностью П.К. Эссена и председателя Оренбургской Пограничной комиссии Г.П. Веселицкого. Авторы исследования кратко остановились на соперничестве за власть между ханом Шергазы Айшуаковым и султаном Арынгазы Абулгазиевым. В частности, они описали конфликт между чингизидами в период отправки специальной торгово-дипломатической миссии в Бухару под руководством Я. Гавердовского (Izbassarova et al., 2023: 82).

Отметим тот факт, что в современной историографии существуют ряд неточностей, связанных с этим периодом. Например, в работах Н.Г. Аполловой (Аполлова, 1960), Р. Почекаева (Почекаев, 2017: 161) неверно определено имя бухарского правителя, который первым из иностранных глав государств признал Арынгазы. Авторы утверждают, что это был бухарский эмир Насрулла, тогда как в этот период правителем в данном государстве был его отец, эмир Хайдар (1800–1826 гг.). В источнике «Мунша'ат, нишан ва йарлигха» есть два письма бухарского эмира Хайдара правителю восточной части Младшего жуза Арынгазы-хану. Данные письма эмира были переведены со среднеазиатского тюрки Т.К. Бейсембиевым (История Казахстана..., 2013: 34-36).

Таким образом, исследуемая нами проблема не была всесторонне освещена в истории Казахстана.

4. Результаты

Назначение российской властью ханом Младшего жуза казахов внука Абулхаира – Шергазы Айшуакова – вызвало недовольство в Степи. Обострились отношения хана с представителем дома Абулхаира – Каратаем Нуралиевым, который в 1806 г. на съезде был избран ханом казахами рода Байулы Младшего жуза. В 1815 г. казахи Сырдарьи избрали Арынгазы Абулгазиева ханом. Летом 1816 г. Арынгазы и Каратай решили напасть на аулы Шергазы Айшуакова, которые расположились в верхней части линии, между крепостями Ильинской и Верхнеозерной. Получив сведения о планах Арынгазы, хан Шергазы откочевал со своим аулом ближе к Оренбургу и расположился при самом

пикете в устье реки Бердянки, попросив защиты от нападения указанного султана. Оренбургский военный губернатор распорядился отправить 300 казаков из Оренбургского казачьего полка с двумя орудиями. Каратай присоединился к Арынгазы, но вскоре упомянутые султаны перессорились между собой за первенство в Степи ([Материалы..., 1940: 299](#)). Арынгазы удалился в Степь, а Каратай к р. Илек.

В августе 1817 г. хан Шергазы Айшуаков, султаны Арынгазы Абулгазиев и Каратай Нуралиев сообщали в Оренбургскую пограничную комиссию о прекращении междоусобной борьбы ([Материалы..., 1940: 320](#)). Чингизиды писали, что «все караваны, следующие из Бухары и идущие в Бухару, будут находиться под прикрытием султана Арынгазы, а в Хиву проследуют под прикрытием султана Каратая» ([Материалы..., 1940: 321](#)). Но этому перемирию не суждено было долго существовать.

В конце июля – начале августа 1819 г. элита Степи обратилась П.К. Эссену с предложением о предоставлении императору Александру I прошения для утверждения султана Арынгазы в качестве хана Младшего жуза. К этому прошению присоединились также старшины рода Жетиру, которые когда-то находились под покровительством хана Шергазы Айшуакова ([Материалы..., 1940: 322](#)).

Как сообщают источники, причиной отказа казахов от хана Шергазы Айшуакова стало то, что усилились барымта, воровство, ограбление караванов, что в итоге привело к закрытию торговых рынков. Назначение Ш. Айшуаковым своими помощниками султана Мендибая, Котибаса-Жынды и Имана из рода жылкышы табын, вызов из России воинской команды А.Д. Донского с пушками и нападение на аулы рода ожырай, а также на аулы старшины и караван вожатого из рода шекты Санамаса Сердалиулы привели к отчаянию и возмущению казахов. В надежде на наступление мира и тишины казахи избрали ханом внука Каипа Батырулы – Арынгазы Абулгазиева ([Материалы..., 1940: 314](#)).

«Лучшие» люди Степи писали, что Арынгазы «производит суд по всей Меньшей и частию Средней киргиз-кайсацким Ордам о междоусобных барантах и разных распрях народных, прекращает оныя и по основанию закона нашего отправляет самосущее правосудие, подвергая преступников строгому осуждению, чем устанавливает в Орде совершенное спокойствие и тишину; равно распространяет при Оренбурге торговлю, открывая караванам путь безопасный» ([Материалы..., 1940: 322](#)). Среди поддержавших Арынгазы были султан Жанторе Иралиев, депутат от казахов, надворный советник, зять хана Нуралы – Нурмухамет ходжа Абзелилев, старшина, заседатель в Ханском совете, присутствующий в Оренбургской пограничной комиссии из рода табын Тлявлий Байтереков, Абулгази Пиралиев, заседатель Ханского Совета, старшина рода шекти – тлеу мулла Каражигит Бектавов, заседатель от рода Байулы в Ханском Совете, тархан, старшина Укей Тюляпов и др. ([Материалы..., 1940: 323-326](#)). В списке подписавших это прошение были и Чингизиды из дома Абулхаира.

Арынгазы Абулгазиев – чингизид, потомок основателя Казахского ханства Жанибека (1470–1474 гг.), внук Каипа хивинского, принадлежал к линии Жадик. «Осанка величественная, поступ гордый, лицо красивое; борода небольшая, черная, густая; глаза черные, быстрые, приемы и действия надменные» ([РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 706. Л. 2](#)), но в то же время «страсти его сильны: он вспыльчив, злопамятен, в гневе безмолвен, на лице багровитость, глаза наполняются кровью, руки трясутся; в радости неумерен, имел состояние скрыть всего чувствуемого» ([РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 706. Л. 506](#)), – так характеризуют его современники. Он получил азиатское образование. Примеры храбрости и мужества отца его, уверенность в том, что только военные подвиги дают право на наследие и возможность возвыситься в Орде, побудили его считать главным в своем воспитании умение управлять конем, луком и саблей ([РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 706. Л. 506](#)).

Власть его прадеда Батыра Каипулы распространялась на рода шекти, шомекей, карасакал племенного объединения Алимуды, кочевавших на северо-востоке Аральского моря и в низовьях Сырдарьи ([Izbassarova et al., 2023: 79](#)). Его предки в русских источниках описываются как влиятельные султаны Степи. Так, например, барон Игельстром по Высочайшему рескрипту от 27 ноября 1785 г. собрал сведения о происхождении казахских султанов, среди которых был и дед Арынгазы – Каип Батырулы, который правил Хивой в 1745 – 1756 гг. ([Материалы..., 1940: 496](#)) (встречается и другая датировка периода его правления – с 1746 по 1757 г.). Так, в своем письме 1786 г. императрице Екатерине II барон Игельстром следующим образом описывал качества Каипа: «...он от природы острого разума, проворен, проникателен и грамоты своей умеет, которой научился в Хиве, где с молодых лет обращался, прилепясь к бывшему тамо первым по хане правителю Куразбеку». В период нашествия персидского шаха Надира в Хиву, Куразбек и Каип оказались в числе покоренных. Казахский чингизид «почтен был в Хиве ханским достоинством, в котором находился он лет с 12, и в сие время имел он всегда при себе помесечно из детей тамошних узбеков или дворян доброконной гвардии по 500 человек» ([АВПРИ. Ф. 122. Оп. 122/3. Меньшая Орда. 1786 год. Д. 3. Л. 2](#)). Каип имел владение в Бухаре и был с китайским ханом в дружественных отношениях ([РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 44а. Л. 22; Материалы..., 1940: 314](#)). По сведениям оренбургского правителя, излишняя строгость, наглое убийство Куразбека, увеличение поборов стали причиной бегства Каипа к своему отцу Батыру. Он попытался получить от российской администрации те же льготы и уважение, как и дети хана Абулхаира, но получив отказ из Коллегии иностранных дел, начал задерживать идущие в Хиву, в Бухару и обратно караваны с товарами, брать от них неумеренные пошлины, а некоторых грабил ([АВПРИ. Ф. 122. Оп. 122/3. Меньшая Орда. 1786 год. Д. 3. Л. 206](#)).

Хотя он был избран ханом казахами рода байулы в сентябре 1786 г. (РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 355. Л. 199), но российская императрица не утвердила его верховным правителем. Отец же Арынгазы – Абулгазы хан – управлял сырдарьинскими казахами и каракалпаками (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 44а. Л. 22). Ограбление подданными Абулгазы хана караванов Бухарской миссии в сентябре 1803 г. в дальнейшем стало препятствием его сыну Арынгазы на пути получения верховной власти в Степи у российской администрации. Руководитель миссии Я. Гавердовский в своем письме хану Арынгазы сообщал, что он отправил 29 марта через переводчика Бекчурина письма всем казахским биям о поездке российской экспедиции в Бухару, рассказывал о встрече с посланцами хана, о выдаче им кормовых денег и об уверенности беспрепятственного прохождения через его владения (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 24а. Л. 340б.). Но нападение на дипломатическую миссию вызвало у него не понимание происходящего. Он с горечью писал хану: «...что ежели есть еще в вас сколько-нибудь справедливость, то для уменьшения государева гнева возвратите по крайней мере увезенного подполковника и других двух человек, ибо государева люди пропадать не должны, а равно государев подарки» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 24а. Л. 47). Все эти данные были зафиксированы в канцелярии Оренбургского военного губернатора.

Родился Арынгазы около 1785 г., а по другим данным – в 1787 г. (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 70б. Л. 2). После смерти отца своего Абулгазы Каипулы, в 1815 г. был избран ханом казахами рода шекты, каракесек, торткара, сеиткул, куламан-сексен, култаш (Материалы..., 1940: 297, 495). Возвышение хана произошло в его ставке г. Жаркент на левом берегу Сырдарьи. В мае 1816 г. в донесении оренбургскому военному губернатору кн. Г.С. Волконскому султан Арынгазы представляет себя как «победоносного, влиятельного и храброго Арунгазы хана» (Материалы..., 1940: 297).

Избрание казахами Сырдарьи Арынгазы в качестве хана поддержал бухарский эмир Хайдар (1800 – 1826 гг.). Он наделил его титулом «хана» и отправил ярлык, где призывал всех поклоняться ему. В своем письме к Арынгазы бухарский хан писал: «...вам, отмеченному величием, мы, проявив милость и доброту, отправили ярлык на ханское звание в мире и вселенной. Оказавшись на месте Ширгазы-хана, вашего достойного старшего брата, и став подобно двум половинкам одним целым, вникайте в дела эля и людей. Мы не отдадим руки милосердия от вашей головы и будем проявлять доброту в пределах нашей возможности. Ни о чем не беспокойтесь!» (История Казахстана..., 2013: 35).

Арынгазы сообщал оренбургскому военному губернатору Г. Волконскому, что он получил именную золотую печать от бухарского правителя, подтверждающую его ханское достоинство. Возникают вопросы. Почему казахи избрали нового хана, когда у них уже был назначенный империей хан Шергазы Айшуаков? Насколько было обоснованно избрание новым ханом Арынгазы Абулгазиева?

Если рассматривать историю Казахского ханства раннего периода, то мы должны обратить внимание на тот факт, что в истории Казахского ханства были периоды одновременного правления нескольких ханов в разных частях государства (Младший жуз, Средний жуз, Старший жуз), и присутствие различных титулов правителей Степи определял их статус. Т.И. Султанов указывает, что в мусульманских источниках XV – XVII вв. верховные правители казахов именовались «улу-хан», «хан-и бузург», «хан-калан» (Султанов, 2001: 77, 148, 163). Но также были и ханы локального масштаба – «кичи-хан», «хан-и хурд» (Султанов, 2001: 77, 145).

«В основе механизма передачи и наследования ханской власти у казахов лежали два взаимосвязанных принципа: иерархическая система генеалогического родства или старшинства – первородства и принцип меритократии, которые тесно переплетались и взаимодействовали в социально-политической практике кочевых народов. Согласно многоступенчатой генеалогической традиции кочевников, ханом можно было провозгласить только выходца из сословия султанов, причем наиболее легитимными среди всех законных претендентов на звание хана у казахов считались представители правящей ветви казахской династии джучидов – прямые потомки сына хана Джанибека (1466 – 1474 гг.), Жадик-султана, разные поколения которых непрерывно занимали в течение XVI – начале XVIII в. ханский престол» (Ерофеева, 2001: 121). Как указывает И.В. Ерофеева, традиция избрания ханов регулировалась и регламентировалась в социальной практике посредством принципа меритократии, т.е. путем прихода индивида к власти на основе общественного признания имеющихся у него заслуг и личных достоинств (Ерофеева, 2001: 122). Поэтому избрание авторитетного, сильного султана Арынгазы Абулгазиева ханом частью племен Младшего жуза основывалось на степном праве и на народных традициях.

Учитывая данный факт, можем утверждать, что казахи Младшего жуза в этот период избирают себе сильного, энергичного хана, т.к. установленный веками степной закон позволял это сделать, но при этом они были вынуждены просить оренбургского военного губернатора ходатайствовать перед императором на выдачу грамоты (патента) на управление Младшим жузом Арынгазы Абулгазиеву, так как после вхождения в состав Российской империи казахские ханы проходили процедуры и получали подтверждение на верховную власть в столице.

Хивинский хан и Арынгазы Абулгазиев

Хива в изучаемый период представляла собой ханство, где в начале XIX в. начались преобразования во всех направлениях общественного развития. Сеид Мухаммед Рахим-хан (1806–1825 гг.) создает Высший Совет из 32 сановников, выполняющих функции министров. В Хиве

открывается Монетный двор. Впервые в стране создается таможенная служба. В ханстве для ограждения торговых караванов от разбойных нападений на транзитных путях, очищения караванных путей от набегов кочевых племен и родов, хивинская армия проводит ряд успешных операций. На протяжении транзитных караванных путей через Каракумы возводятся сторожевые посты-крепости (Ниязматов, 2010: 52). Как писал российский дипломат Н. Муравьев, дважды побывавший в Хиве, Мухаммед Рахим «создал почти совершенно новое государство, которое теперь должно вступить в состав сильнейших “азиатских царств”» (Муравьев, 1822: 44). В состав Хивы вошли каракалпакские земли, расположенные в низовьях Амударьи, а также часть земель, на которой проживали жанадарьинские казахи, подданные Российской империи. В начале XIX в. казахские султаны, непризнанные Российской империей, искали поддержку у хивинских правителей, так как «Хива оставалась последним оплотом, где сохранились старые традиции властной системы» (Izbassarova, 2020: 2393).

Предки Арынгазы были правителями Хивы, но потеряли свое влияние, и он не мог претендовать на верховную власть в этой стране. Именно столкновения с хивинским ханом и ограбление казахами его караванов подданными Арынгазы в дальнейшем стали причиной задержания его в столице.

В 1810 и 1812 г. хивинцы подвергли разгрому алимулинцев (Материалы..., 1940: 171). Продолжаются нападения хивинцев на аулы рода Алимулы и при Арынгазы. В 1816 г. хивинцы, при подстрекательстве каракалпаков, напав на аулы казахов, находившихся под управлением Арынгазы, принудили их удалиться к берегам Сырдарьи во внутреннюю часть Степи. К этому моменту Арынгазы удается добиться спокойствия в Степи. Его действия были замечены оренбургскими начальниками. В 1817 г. по поручению оренбургского военного губернатора Арынгазы принудил дядю Ширгазы Каипова возратить ограбленный караван на 50-ти верблюдах. Это усилило вражду между чингизидами. Ширгазы отправляется в Хиву и просит отмщения.

В 1817 г. хивинский хан вручает грамоту об утверждении за Ширгазы Каиповым (Izbassarova et al., 2023: 81, 82) титула хана «западных казахов» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 70а. Л. 29), но через год он был отравлен в Хиве.

Затем правитель Хивы признал сына Жангазы (Маненбая) ханом Младшего жуза, обязав его выплачивать налог в размере 1/3 доходов, полученных от казахов, а также от пошлин с проходящих караванов. В ноябре 1819 г. новый хан прибыл на берега Сырдарьи. Число его сторонников не превышало тысячи кибиток и в основном состояло из бедных казахов, которые занимались рыболовством на Сырдарье или земледелием вдоль этой реки, а также по Кувану и Яны. К ним также присоединилась группа, недовольная действиями Арынгазы (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 70а. Л. 30).

Укрепив свою власть в Младшем жузе казахов, Арынгазы отправляет письмо хивинскому правителю.

Усилившись, Арынгазы вернулся зимовать близ Сырдарьи и послал к хивинскому хану письмо, где он заявил, что никогда не признает ханом в Младшем жузе того, кто не будет утвержден Россией или Бухарой. В декабре 1819 г. Арынгазы арестовал трех хивинцев, отправленных их ханом для сбора дани, которую казахи обычно платили своим правителям. Хивинский хан не оставил это без последствий и в 1820 г., собрав отряд своих подданных, вновь напал на Арынгазы, разгромил его, разграбил его владения и вынудил отступить в Мугоджарские горы (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 70а. Л. 30об.).

25 февраля 1820 г. 10-тысячная хивинская армия в сопровождении султана Жакаша Ширгазиева (сын Ширгазы Каипова, умершего в 1818 г.) совершила нападение на казахов, подведомственных Арынгазы, близ р. Сырдарьи, в урочище Киши Барсук. Хивинский хан пленил мать Арынгазы, тридцать два ближайших родственника султана, захватил скот, женские головные уборы, украшенные дорогими камнями, и другие вещи на общую сумму 955.165 руб. Хивинский хан говорил Арынгазы, что «нет ... средства избавить родных, кроме как вступить к нему в подданство...» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 70б. Л. 37об.).

В ответ на это осенью 1820 г. казахи Арынгазы султана нападают на хивинский караван, отправленный из Оренбурга в Хиву. Хан Шергазы Айшуаков сообщал, что Арынгазы напал на кочевья казахов, препровождающих российские караваны в Бухару и Хиву, и «предал мечу тысячу пятисот аулов», убиты бии Джаназар Иркизаров, Малдыбай Ниязов, Кинбай, Дарибай и ходжа Миникур. В плен попала семья Жакаша Ширгазиева, а сам Жакаш (зять хана Шергазы Айшуакова) был убит 24 ноября 1820 г. по приказу Арынгазы (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 70а. Л. 14об.-15).

Авторитет Арынгазы в Степи утвердился в 1816–1821 гг. Ему удалось остановить барымту не только среди казахских родов шекты, шумекей, каракесек, торткара, алтын, жаппас Младшего жуза, но и между казахами родов аргын, кыпчак Среднего жуза. Была остановлена многолетняя барымта между болекшуреновцами и жаппасцами. В 20-х числах мая 1816 г. представители родов Младшего и Среднего жузов, имеющие друг к другу претензии, собрались на р. Аре и, обсудив проблемы, решили жить в миру и спокойствии (Материалы..., 1940: 298). Арынгазы был человеком сильной воли, но весьма высокомерным. «Всякое увещание, наставление для пользы ему кажется глупым, смешным и тоже для тщеславия самолюбия премудрым. Препятствия предприятий сему презрительны, но препоручения маловажного с ним и на другого возложенного, никогда не исполнит, чтобы

исполнить одному. Он не построит хижин в Орде, когда будут убеждать о пользах ее, но построит караван сарай, город, когда подстрекнут его гордость невозможностью. Он раб властолюбивый, и ласкатель оного есть его повелитель» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 70б. Л. 50б.).

Арынгазы, утвердив суд по шариату, за три года вынес смертный приговор более чем 30 казахам (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 70а. Л. 290б.; Материалы..., 1940: 372). «Он пышен в образе казни, чтобы в мыслях черни равняться с ханами хивинским, бухарским, чтобы возвыситься над Ширгазы. Здесь по примеру азиатских государей разсылает плоды и фрукты во время стола, как знаки расположения своего; в Орде же котлы его с гостеприемною пищею открыты каждому. Он щедр... Просящего не отпустить без удовлетворения, из народа собирает зякет и десятину, чтобы раздавать народу же. Он наружный блюститель веры, чтобы отличаться в Орде от прочих невежествующих султанов, и неповедывающих (оную) одним именем. Он правосуден, чтобы привлечь как бы народ, но суд его не по закону предков всем известному, а по закону мухаммеданскому, никому неведомому, - чтобы сделать уставы его орудием страстей своих... Для достижения целей своих не унижаться пред равным, не попросить низшего, но старается узнать страсти, овладеть главнейшею, и ею управлять как орудием... Обращение его со свитою повелительное, гордое. Самолюбие его столько осторожно, что никогда не позволит оскорбить себя» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 70б. Л. 4–40б.). «Он ни перед кем не встанет, никуда не выйдет пешком, потому что сидел и не выходил Ширгазы. Он носит чалму, потому что не имеет собольей шапки, носит четки, ибо не имеет сабли, знаков ханского достоинства. Он мучается, что не представлен ни министру, ни государю» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 70б. Л. 5).

Султан Арингазы и оренбургский военный губернатор П.К. Эссен

Арынгазы был хорошо знаком П.К. Эсену. Чингизид был назначен председателем Ханского Совета оренбургским военным губернатором без согласования с ханом Шергазы Айшуаковым. Вмешательство в дела Ханского совета стало началом ссоры между оренбургским правителем и ханом Шергазы Айшуаковым, что в дальнейшем переросло в большой конфликт.

В своих донесениях в столицу хан Шергазы Айшуаков перечислил незаконные действия как оренбургского военного губернатора, так и Арингазы султана, и его отца Абулгазы Каипулы. Хан напоминал столичной администрации, что отец Арингазы, султан Абулгазы Каипулы кочевал среди казахов поколения Алимуды в долине р. Сырдарьи и совершал со своими подопечными набеги и грабил купеческие караваны, шедшие из Бухары в Россию (Материалы..., 1940: 334). За таковую деятельность он был лишен жалования, получаемого от российской администрации.

Ошибка оренбургского военного губернатора заключалась в том, что он нарушил процедуру назначения председателя Ханского Совета и порядок избрания членов указанного Совета. По указу императора Ханский диван избирался казахами, в председатели избирался один из султанов и в заседатели – старшины 3-х родов Младшего жуза, по 2 человека от каждого рода (Алимуды, Байулы, Жетиру), всего 6 человек. Но в 1817 г. прибывший на службу в Оренбург генерал от инфантерии и кавалер П.К. Эссен назначает председателем Оренбургской пограничной комиссии генерал-майора Г.П. Веселицкого, человека военного, не знающего быт и обычаи казахов, особенности его управления (Материалы..., 1940: 333, 335). Прибыв в Оренбург, новые начальники вносят изменения среди членов Ханского Совета. Были смещены с должностей председатель Ханского Совета султан Медетгали Турдалиев, а также шестеро старшин заседателей. На их место были назначены без рекомендации хана новые султаны (Материалы..., 1940: 334). Арингазы Абулгазиев был назначен председателем Ханского Совета.

Оренбургский военный губернатор поставил цель – лишить Шергазы Айшуакова верховной власти и назначить вместо него султана Арингазы Абулгазиева. П.К. Эссен 3 ноября 1818 г. в своем секретном отношении к управляющему МИД описывал хана Шергазы Айшуакова, как «по незначительности своей в Орде, весьма ограниченным способностям и слабости, не имеет никакого на оную влияние, пребывает всегда при самых границах наших и даже страшится отойти от оных, а сверх того многократно замечен в расположениях, предосудительных его звании и противных пользам службы» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 44а. Л. 20б.–3). В этом же документе он просил назначения ханом Младшего жуза Арингазы Абулгазиева, а до данной процедуры просил наградить его золотою медалью на голубой ленте с бриллиантовым украшением (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 44а. Л. 20б.–3).

14 августа 1819 г. оренбургский военный губернатор П.К. Эссен направил императору Александру I рапорт, в котором обосновал необходимость утвердить султана Арингазы ханом Младшего жуза. На эту должность его избрали сами казахи, а за его кандидатуру подписались 388 человек, представивших соответствующее прошение (Материалы..., 1940: 327). П.К. Эссен предлагал отправить хана Шергазы в продолжительные путешествия, так как он не раз просился в Мекку. Не успел военный губернатор отправить свой рапорт, как вслед за ним была отправлена жалоба на него и на председателя Оренбургской пограничной комиссии от хана Шергазы. К этому времени усиливался конфликт между чингизадами Шергазы Айшуаковым и Арингазы Абулгазиевым, с одной стороны, и между казахским ханом и оренбургским военным губернатором – с другой.

Сопровождение российского посольства в Бухару и его последствия

10 октября 1820 г. из Оренбурга выехал в Бухарское ханство российское посольство во главе с действительным статским советником А.Ф. Негри с целью налаживания торговых отношений, рекогносцировки местности, с выбором удобных мест для строительства крепостей, освобождения проданных в рабство российских подданных и т.д. Взял на себя ответственность сопровождать данную миссию в Бухару султан Арынгазы Абулгазиев. Будучи лично знаком с данным султаном, А. Негри, высоко оценивая его храбрость и усердие, писал: «Сей султан с правилами чести соединяет деятельность, праводушие и мужество» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 70а. Л. 28).

По мнению участника экспедиции капитана Гвардейского Генерального штаба Е.К. Мейендорфа, Арынгазы Абулгазиев под прикрытием конвоя русского посольства в Бухару «думал найти удобный случай для нападения на неприятелей своих при Сыр-Дарье» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 70а. Л. 31). Замыслы султана удались, его подопечные казахи, напав на аулы Маненбая (Жангазы), захватили несколько тысяч овец, некоторое количество лошадей. Маненбая удалось бежать к своему покровителю, а Жакаш был убит «как жертва, которой требовал один киргизец, по праву мщения за кровь кровью» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 70а. Л. 31). Распространение слухов о том, что прибывшее российское войско намерено напасть на хивинцев, способствовало увеличению числа сторонников Арынгазы. Также высоко оценивал труд Арынгазы при сопровождении российского посольства лейб-гвардии Измайловского полка капитан Циолковский. Он указывал, что успешному совершению похода содействовал Арынгазы, который «расположил аулы свои близ самой дороги нашей, снабжал вверенный мне отряд продовольствием по умеренным ценам, иногда наделял солдат и казаков мясом безденежно и вообще доставлял нам пособие и услуги разного рода» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 70а. Л. 33а).

Обострение отношений с Хивой, нападение подвластных Арынгазы на хивинские караваны, конфликты с легитимным ханом Младшего жуза Шергазы Айшуаковым стали причиной вызова султана Арынгазы в Санкт-Петербург. Свиту его составили султаны Мурат Ядигереев (родственник султана Арынгазы), Ильджан Абулгазиев (старший брат султана Мендияра, кочевал в джагалбайлинском роде), Измаил Данияров (зять муллы Каражигита), ходжа Шукуралы Махмутов (кочевал в одном ауле вместе с султаном Арынгазы, поддерживал его), бии Каражигит Биктавов (мулла, кочевал в роде шекти), Юсуф Сырымов (тархан, сын батыра Сырыма Датова, караван баши), Санамас Сердалин (караван баши, скончался в возрасте 73 лет в столице 29 января 1822 г.), Бармак Булпанов (кочевал вместе с султаном Ильджаном в джагалбайлинском роде), Кушвак Масюльманбеев (сват Арынгазы султана), старшина рода шекти отделения кабак Санасап Сатыев (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 70а. Л. 36; РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 70б. Л. 60б.-100б.).

Арынгазы выехал из Орды 6 июля 1821 г., а 16 июля этого же года Азиатский Комитет заседал в Царском селе, где рассматривались вопросы, связанные с положением дел в Казахской степи. Председатель Оренбургской пограничной комиссии В. Тимковский представил три записки, которые были рассмотрены здесь же. Тайный советник М. Сперанский после обсуждения вопросов обратил внимание на необходимость пересмотра системы управления Младшим жузом (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 70а. Л. 560б.).

Комитетом было решено: «1. Заняться прочным образованием Пограничного управления, и для сего собрать нужные сведения по МИД; 2. Между тем принять временные меры к прекращению беспорядков, ныне возникших. При определении сих мер, Комитет находил, что ближайшею причиною беспорядков было то, что оренбургское главное начальство отступило от правил данных ему Комитетом в 1820 году» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 70а. Л. 57). На заседании П.К. Эссену указали на ошибки управления краем. Во-первых, оренбургский начальник, зная вражду между Арынгазы и хивинским ханом, назначив первого сопровождать российское посольство в Бухару, укрепил его власть в глазах казахов (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 70а. Л. 57-570б.). Во-вторых, П.К. Эссен был ответственен за то, что он видел непримиримым врагом империи Хивинское ханство, которое якобы готовилось к завоеванию Младшего жуза, угрожало границам империи и равнодушно относился к поведению султана Арынгазы Абулгазиева, считая его правильным. В-третьих, оренбургскому начальнику ранее было поручено благосклонно относиться к Арынгазы, но стараться всячески укреплять власть хана Шергазы Айшуакова, чтобы уменьшить влияние султана Арынгазы. Но П.К. Эссен, показывая явное пренебрежение к хану Шергазы Айшуакову, способствовал усилению влияния султана А. Абулгазиева.

На данном заседании для успокоения хивинского хана, раздраженного нападением казахов султана Арынгазы на его подданных, было решено освободить задержанных султаном и находящихся в Оренбурге двух хивинцев, наградив их, отправить к своему хану с письмом от генерала от инфантерии Ермолова, который сумел установить дружеские отношения с ханом. Предлагалось указать в письме, что император крайне недоволен действиями султана Арынгазы и не оставит «поступков его без должного взыскания».

26 июля 1821 г. султан Арынгазы Абулгазиев прибыл со свитой в Москву (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 70а. Л. 39). В то же время главному управляющему архивом Коллегии иностранных дел А.Ф. Малиновскому было предложено задержать султана в Москве, объясняя это тем, что известие о

выезде его из Оренбурга получено в Санкт-Петербурге поздно, в связи с этим не успели подобрать квартиру для проживания. Во время встреч с султаном А.Ф. Малиновскому предлагалось узнать его характер, выяснить отношения чингизида к хивинскому хану и бухарскому эмиру, спросить о положении дел в Степи и о причинах, вызвавших кризис в Орде.

Если говорить об Арынгазы Абулгазиеве, он свою поездку рассматривал как возможность представиться императору и получить утверждение на ханскую власть. Также он надеялся получить российское войско для похода в Хиву, чтобы отомстить за разорение казахских аулов, за пленение его семьи, а также разрешение построить мечеть и дом на месте его зимовки (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 706. Л. 6). Находившийся в составе свиты Юсуф Сырымов, имеющий серебряную медаль на Анненской ленте за оказанные империи услуги, хотел просить у императора разрешение построить караван сарай и мечети в трех удобных для этого местах: 1) близ Каракуля от Оренбурга 8 дней езды, 2) в Биштамаке от Илека 5 дней езды, 3) и около Сарайчика (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 706. Л. 906.).

Прибыв в столицу, казахская депутация посещала мануфактуры, промышленные заведения. Российские чиновники наблюдали за Арынгазы и отмечали, что султан А. Абулгазиев во всех ситуациях держался гордо, непоколебимо. Так, например, при посещении одной из фабрик, где показывали гальванические опыты, султан Арынгазы даже не содрогнулся, тогда как все окружающие, испытав силу тока, пришли в замешательство.

После прибытия султана Арынгазы в Санкт-Петербург на заседаниях Азиатского комитета обсуждалась его дальнейшая судьба. На заседании 31 октября 1821 г. было принято решение оставить султана в столице, а также через главноуправляющего Грузии сообщить хивинскому хану, что султан Арынгазы «был вызван в Россию для суждений и наказания» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 926. Л. 20206.).

Для прекращения беспорядков в Младшем жузе казахов Комитет на своих заседаниях решил: принятые решения относительно султана Арынгазы оставить в силе до тех пор, пока ситуация в Младшем жузе не стабилизируется, и в Орде не будут восстановлены порядок и повиновение; полковнику Бергу из свиты Его Величества по квартирмейстерской части, отправленному в Оренбург по Высочайшему повелению, поручить изучить на месте текущее состояние дел в Младшем жузе, а также определить наиболее надежные способы для прочного установления порядка и беспрепятственного прохождения купеческих караванов (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 926. Л. 204.).

12 марта 1822 г. на очередном заседании Азиатского комитета был представлен и рассмотрен рапорт П.К. Эссена, после чего решено: 1. не оглашать в Орде до определенного времени, что Арынгазы султан задержан здесь в наказание, чтобы не вызвать в Степи возмущений; 2. оставить его на жительство в Санкт-Петербурге, так как отсюда было легче следить за его связями, поведением, перепиской, а также жительство султана в столице не рассматривалось бы казахами наказанием. Через управляющего МИД объявить Арынгазы, что император, «имея неусыпное попечение о благосостоянии Малой Орды, видел с неудовольствием разные неурядицы, произошедшие в оной от родившейся вражды между ханом хивинским и им султаном Арунгазы» и желая примирить их, поручил оренбургскому военному губернатору пригласить уполномоченные лица от бухарского и хивинского ханов на оренбургскую линию, где вместе с ними и почетнейшими ордынцами рассмотреть взаимные притязания и разрешить миролюбиво все претензии. До этого момента император повелел султану Арынгазы оставаться здесь. 3. Желающим возвратиться в Степь членам свиты данного султана, предлагалось сделать достойное вознаграждение и вернуть в Орду (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 706. Л. 21.).

Арынгазы в Калуге

Вызванный в 1821 г. в Санкт-Петербург, он был задержан в столице до 1823 г. и далее сослан в Калугу. Арынгазы султан со свитой 31 мая 1823 г. благополучно добрался до места назначения. Рядом с Арынгазы находились султан Ильджан, Юсуф бий (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 926. Л. 46). Письмоводителем и переводчиком султана был Рахметулла Муртазин (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 926. Л. 9206.).

Титулярному советнику, приставу при султани П.Н. Фролову 14 мая была вручена инструкция Азиатского департамента МИД, где предписывалось «обратить особое внимание на пресечение киргизцев как отсылкою, так и в получении писем, но при сем оном не воспрещая им самим оные относить или посылать с кем-либо в почтовую экспедицию», но в последнем случае у пристава возникали трудности с контролем писем и посылок отправляемых самими казахами через почту (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 926. Л. 8906.). Калужский губернатор А.П. Оболенский приказал губернскому почтмейстеру (*начальнику почтовой конторы – Г.И.*), чтобы письма, поступающие в почтовую контору на имя султана Арынгазы и других лиц, находящихся при нем, а также письма, отправляемые ими через контору, не выдавались адресатам и не отправлялись по назначению, а передавались приставу для дальнейшего направления в Азиатский департамент (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 926. Л. 101.). Согласно инструкции, выданной приставу, также запрещалась встреча членов свиты с посторонними людьми.

Калужскому губернатору А.П. Оболенскому в марте 1828 г. предлагалось принять меры для наблюдения за связями и встречами султана Арынгазы. Столицу волновал вопрос: «имеет ли он

переписку и связь с казахами Младшего жуза», а особенно необходимо было смотреть за татарами, прибывающими к чингизиду (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 926. Л. 111).

Здесь, лишенный каких бы то ни было связей с Ордой, он прожил под присмотром пристава до 1833 г. Но благородное происхождение, величавость оставались присущими ему до последних лет.

Оренбургский начальник после нескольких неудачных попыток вернуть султана на родину в 1826 г. выдвинул предложение назначить Арынгазы султаном-правителем Средней части Малой Орды. Но опять не получил поддержки, так как в центре боялись, что Арынгазы может создать союз с новым правителем Хивы, а с другой стороны считали, что, оставшись непреклонным в своей вражде, он будет грабить их караваны, а хивинцы будут нападать на бухарских купцов. Это все в конечном счете привело бы к расстройству торговли Российской империи с центрально-азиатскими государствами. Исходя из этих соображений, в столице отказали П.К. Эсену (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 92а. Л. 117).

В Калуге Арынгазы пытался встречаться со знакомыми или даже с посторонними для получения информации о положении дел в Степи, о своей семье. С уважением относился к членам своей свиты, всегда был сдержан.

Арынгазы Абулгазиев не раз писал письма с просьбой вернуть его на родину, а если это невозможно, то хотя бы перевезти его в Москву. Так, например, в одном из писем в ноябре 1831 г. он сообщал: «...Повели разрешить мне возвращение в свои аулы, где бы я, дышущий живейшим чувством преданности к твоему престолу, мог на многочисленных опытах оказать оную тебе... в доказательство же прежнего моего усердия и преданности к твоей империи ссылаюсь на пограничных к моей орде российских начальников и на самого г. военного генерал-губернатора и кавалера Ессена. Но ежели сего не будет тебе благоугодно, то в облегчение печального настоящего моего положения, дозволь мне иметь жительство в столичном городе Москве, где я, в горестях моих, по крайней мере могу найти утешение моей веры чрез живущих там служителей ея, а по дороговизне содержания и квартир сделать прибавку к получаемому ныне на содержание меня жалованье» (СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 26. Л. 100).

В 1833 г. в Санкт-Петербурге была принята жена Арынгазы Медина Хасанова. Она от имени мужа просила разрешения переехать в Москву (Материалы, 1940: 495). 24 августа из МИД московскому военному губернатору кн. Голицыну сообщали, что император дал разрешение султану переехать на жительство в Москву (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 70 в. Л. 1), но Арынгазы не успел получить данную новость. В 1-м часу ночи с 23 на 24 августа 1833 г. он скончался в Калуге и был похоронен прибывшим из Москвы муллой по мусульманским обрядам (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 70в. Л. 17). Как сообщала Медина Хасанова руководителю МИД К.К. Родофиникину, «...он пал жертвою съедавшей его много лет тоски по родине и обратившейся после в неизлечимую уже болезнь» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 70в. Л. 25-26).

После смерти султана К.К. Родофиникин просил оренбургского правителя представить сведения о законных наследниках Арынгазы. У султана было пять жен. Первая супруга была дочерью туркменского хана Пирали Нуралиева – Якши (Жаксы), вторая – Ултува была дочерью кожа, третья – Тупика была дочерью простого казаха из рода шекти, а четвертой – бывшая жена Шергазы (умершего в Хиве) (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 70б. Л. 2). В Москве в мае 1829 г. султан женился на дочери зажиточного московского купца Хасана Мангушева – Медине, которая родила ему дочку Фатиму в 1832 г. (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 70в. Л. 99). В 1838 г. Медина Хасанова снова вышла замуж, а летом 1842 г. она скончалась (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 70в. Л. 175).

Если говорить о жизни семейства султана Арынгазы в Степи, то архивные документы сообщают нам, например, о различных просьбах Якши ханым. Так, например, в своем письме от 6 октября 1827 г. ханша сообщает председателю Оренбургской пограничной комиссии о притеснениях казахов Средней части и о просьбе к султану-правителю Медету Турдалиеву оказать помощь в поимке воров, которые нанесли ущерб угоном скота на сумму 6940 руб. (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3458. Л. 1-20б.). 5 августа 1828 г. ханша просит оказать защиту и покровительство от притеснений родов тама и табын в зимний период кочевания по р. Илеку до Каратугая (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3458. Л. 26). Таким образом, нахождение султана Арынгазы за пределами степи создало немало трудностей для его семейства. В конечном итоге семья Арынгазы разорилась. Правительство после смерти султана назначило пенсию семье в размере 1000 руб. ежегодно. Она была распределена поровну между женами Арынгазы, но пользовалась ими только Медина до своего второго брака. Другие жены ни разу не приходили за пенсией. Ултува умерла, Тупика вышла замуж за брата Арынгазы султана Арду.

После смерти Арынгазы Абулгазиева султанша Якши в 1835 г. обратилась к генерал-губернатору В. Перовскому с просьбой о перевозке тела мужа на родину. Но получила отказ. В. Перовский ответил, что тело султана уже погребено, и по русским законам запрещено перевозить тело «единожды земле преданного».

Можно ли Арынгазы рассматривать как аманата, находившегося в России? Скорее всего нет, чем да. Аманат – это «заложник» государства или племени, который выступал залогом исполнения определенных обязательств перед империей. Представители общества сами отдавали самых близких и дорогих людей в аманаты (Избасарова, 2017: 104). Так, например, в эпоху хана Абулхаира, четыре

его сына были в аманатах. В нашем случае Арынгазы выступает в качестве пленника, а не аманата. Его положение в Калуге, невозможность встретиться не только с родными, но и соплеменниками, показывают насколько «опасной» была эта личность для империи.

5. Заключение

Казахский чингизид Арынгазы Абулгазиев, предки которого были правителями Хивы в начале XIX в., стал во главе казахских родов на юге Младшего жуза, но действия его отца Абулгазы и его подданных в сентябре 1803 г., столкновения Арынгазы с хивинским ханом и ханом Шергазы Айшуаковым разрушили его репутацию перед МИД Российской империи.

Он был инициатором в деле примирения казахских родов, прекращения барымты. Это была сильная личность, которая прекратила распри между родами Младшего жуза, но инициатива Арынгазы Абулгазиева по проведению съезда казахских племен Младшего и Среднего жузов в 1816 г. не увенчалась успехом. Он, сосредоточив власть в своих руках, добившись тишины на большей территории Степи, дал возможность подведомственным ему казахам беспрепятственно сопровождать бухарские караваны через казахскую степь и тем самым доставлять товар в Оренбургский меновый двор.

По нашему мнению, личные качества и поступки Арынгазы как лидера части казахских племен оказывали заметное влияние на состояние общественных нравов. Его достоинства, межличностные отношения, влияние на представителей не только чингизидов из клана Батыра, но и на потомков его противника хана Абулхаира, насторожили столицу.

Услуги, оказанные Арынгазы султаном российским чиновникам во время дипломатической миссии в Бухару, получили одобрение в столице, но тот случай, когда Арынгазы воспользовался пребыванием российского военного отряда для отмщения своим врагам и напал на аулы Маненбая Ширгазиева, вызвал сомнение в «усердии» султана в правительственных кругах.

Арынгазы был непримиримым врагом хивинского хана, и столкновения чингизида с правителем Хивы приводили не только к разорению казахских аулов, но и ставили под угрозу торговлю России с центрально-азиатскими ханствами. В столице, чтобы не осложнять отношения с Хивой, было принято решение задержать султана в Санкт-Петербурге, а затем отправить его в Калугу.

В дальнейшем печальная судьба Арынгазы стала причиной недоверия и отчуждения его потомков и братьев от российской администрации. Несмотря на то, что в 1833 г. сыновья Арынгазы и племянник были записаны в Неплюевское училище, они не явились в Оренбург. После смерти султана его сыновья и братья откочевали от российской границы в глубь степи.

6. Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан в рамках программно-целевого финансирования «Эволюция политических институтов и структур в истории Казахстана (XIX–XXI вв.)» (ИРН № BR21882308).

Литература

- АВПРИ** – Архив внешней политики Российской империи.
- Васильев, 2014** – Васильев Д.В. Россия и Казахская степь: административная политика и статус окраины. XVIII – первая половина XIX века. М.: РОССПЭН, 2014. 471 с.
- Добросмыслов, 2010** – Добросмыслов А.И. Тургайская область. Исторический очерк. Актобе: ТОО «ИПЦ Кокжиек», 2010. 597 с.
- Ерофеева, 2001** – Ерофеева И.В. Казахское ханство: институт, функции и полномочия / История Казахстана: народы и культуры / Масанов Н.Э. и др. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. 608 с.
- Избасарова, 2017** – Избасарова Г.Б. Аманат в традиционном казахском обществе и в российской политике XVIII в. // *Российская история*. 2017. № 1. С. 103–112.
- История Казахстана, 2013** – История Казахстана в документах и материалах. Вып. 3. Караганда: ПК «Экожан», 2013. С. 34–36.
- Левшин, 1996** – Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Алматы: Санат, 1996. 656 с.
- Материалы..., 1940** – Материалы по истории Казахской ССР (1785–1828). / Под ред. М.П. Вяткина. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1940. Т. 4. 543 с.
- Мейендорф, 1975** – Мейендорф Е. Путешествие из Оренбурга в Бухару. М.: Главная редакция восточной литературы издательства "Наука", 1975. 180 с.
- Мейер, 1865** – Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства / Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Т. 10. СПб.: Печ. В тип. Э. Веймара И Ф. Персона, 1865. 288 с.
- Муравьев, 1822** – Муравьев Н. Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах гвардейского Генерального штаба капитана Николая Муравьева, посланного в сии страны для переговоров. М., 1822. Ч. 2. 185 с.
- Ниязматов, 2010** – Ниязматов М. Поиск консенсуса. Российско-хивинские геополитические отношения в XVI – начале XX в. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010. 496 с.

ОГАОО – Объединенный государственный архив Оренбургской области.

Почекаев, 2017 – Почекаев Р.Ю. Губернаторы и ханы. Личностный фактор правовой политики Российской империи в Центральной Азии: XVIII – начало XX в. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 384 с.

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

СПб ИИ РАН – Архив Санкт-Петербургского института истории Российской Академии наук.

Султанов, 2001 – Султанов Т.И. Поднятые на белой кошме. Потомки Чингиз хана. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. 276 с.

Эверсман, 2023 – Эверсман Э. Путешествие из Оренбурга в Бухару / пер. с немецкого И.В. Храмова. Оренбург: Оренбургское книжное издательство им. Г.П. Донковцева, 2023. 288 с.

Izbassarova, 2020 – Izbassarova G. Legitimization of Power in the Kazakh Steppe in the XIX century. Search for the Cartridge: Khiva Khanate or Russian Empire? (by the Example of the Fate of Sultan Kaipgali Ishimov) // *Bylye Gody*. 2020. 58 (4): 2385-2395.

Izbassarova et al., 2023 – Izbassarova G., Maden A., Smagulova S. The Crisis of Khan Power in the Junior Horde of the Kazakhs (second half of the XVIIIth – first quarter of the XIXth centuries) // *Bylye Gody*. 2023. 18(1): 76-87.

References

Архив СПб ИИ РАН – Архив Санкт-Петербургского института истории Российской Академии наук [Archive of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences].

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire].

Dobrosmyslov, 2010 – Dobrosmyslov, A.I. (2010). Turgaja oblast'. Istoricheskij ocherk [Turgay region. Historical essay]. Aktobe: TOO «IPC Kokzhiek». 597 p. [in Russian]

Erofeeva, 2001 – Erofeeva, I.V. (2001). Kazahskoe hanstvo: institut, funkcii i polnomochija [Kazakh Khanate: institution, functions and powers]. Istorija Kazahstana: narody i kul'tury. Masanov N.Je. i dr. Almaty: Dajk-Press. 608 p. [in Russian]

Eversman, 2023 – Eversman, E. (2023). Puteshestvie iz Orenburga v Buharu [Travel from Orenburg to Bukhara]. Per. s nemeckogo I.V. Hramova. Orenburg: Orenburgskoe knizhnoe izdatel'stvo im. G.P. Donkovceva. 288 p. [in Russian]

Istorija Kazahstana..., 2013 – Istorija Kazahstana v dokumentah i materialah [History of Kazakhstan in documents and materials]. Vyp. 3. Karaganda: PK «Ekozhan». 2013. Pp. 34-36. [in Russian]

Izbassarova et al., 2023 – Izbassarova, G., Maden, A., Smagulova, S. (2023). The Crisis of Khan Power in the Junior Horde of the Kazakhs (second half of the XVIIIth – first quarter of the XIXth centuries). *Bylye Gody*. 18(1): 76-87.

Izbassarova, 2017 – Izbassarova, G.B. (2017). Amanat v tradicionnom kazahskom obshchestve i v rossijskoj politike XVIII v. [Amanat in traditional Kazakh society and Russian politics of the 18th century]. *Rossijskaya istoriya*. 1: 103-112. [in Russian]

Izbassarova, 2020 – Izbassarova G. (2020). Legitimization of Power in the Kazakh Steppe in the XIX century. Search for the Cartridge: Khiva Khanate or Russian Empire? (by the Example of the Fate of Sultan Kaipgali Ishimov). *Bylye Gody*. 58 (4): 2385-2395.

Levshin, 1996 – Levshin, A.I. (1996). Opisanie kirgiz-kazach'ih, ili kirgiz-kajsackih, ord i stepej [Description of the Kyrgyz-Cossack, or Kyrgyz-Kaisak, hordes and steppes]. Almaty: Sanat. 656 p. [in Russian]

Materialy..., 1940 – Materialy po istorii Kazahskoj SSR (1785–1828) [Materials on the history of the Kazakh SSR (1785–1828)]. Pod red. M.P. Vjatkina. M.-L.: Izd-vo AN SSSR. 1940. T. 4. 543 p. [in Russian]

Mejendorf, 1975 – Mejendorf, E. (1975). Puteshestvie iz Orenburga v Buharu [Travel from Orenburg to Bukhara]. M., Glavnaja redakcija vostochnoj literatury izdatel'stva "Nauka". 180 p. [in Russian]

Mejer, 1865 – Mejer, L. (1865). Kirgizskaja step' Orenburgskogo vedomstva [Kyrgyz steppe of the Orenburg department]. Materialy dlja geografii i statistiki Rossii, sobrannye oficerami General'nogo shtaba. T. 10. SPb.: Pech. V tip. Je. Vejmara I F. Persona. 288 p. [in Russian]

Murav'ev, 1822 – Murav'ev, N. (1822). Puteshestvie v Turkmeniju i Hivu v 1819 i 1820 godah gvardejskogo General'nogo shtaba kapitana Nikolaja Murav'eva, poslannogo v sii strany dlja peregovorov [Travel to Turkmenistan and Khiva in 1819 and 1820 by the Guards General Staff of Captain Nikolai Muravyov, sent to these countries for negotiations]. M. Ch. 2. 185 p. [in Russian]

Nijazmatov, 2010 – Nijazmatov, M. (2010). Poisk konsensusa. Rossijsko-hivinskie geopoliticheskie otnoshenija v XVI – nachale XX v. [Search for consensus. Russian-Khiva geopolitical relations in the 16th – early 20th centuries]. SPb.: Peterburgskoe Vostokovedenie. 496 p. [in Russian]

ОГАОО – Об"единенный gosudarstvennyj arkhiv Orenburgskoj oblasti [United State Archives of the Orenburg Region].

Почекаев, 2017 – Почекаев, Р.Ю. (2017). Gubernatory i hany. Lichnostnyj faktor pravovoj politiki Rossijskoj imperii v Central'noj Azii: XVIII – nachalo XX v. [Governors and khans. Personal factor of the

legal policy of the Russian Empire in Central Asia: XVIII – early XX centuries]. M.: Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki. 384 p. [in Russian]

RGIA – Rossijskij gosudarstvennyj istoričeskij arhiv [Russian State Historical Archive].

RGVIA – Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoričeskij arhiv [Russian State Military Historical Archive].

Sultanov, 2001 – *Sultanov, T.I.* (2001). Podnjatye na beloј koshme. Potomki Chingiz hana [Raised on a white felt. Descendants of Chingis Khan]. Almaty: Dajk-Press. 276 p. [in Russian]

Vasil'ev, 2014 – *Vasil'ev, D.V.* (2014). Rossiја i Kazahskaja step': administrativnaja politika i status okrainy. XVIII – pervaja polovina XIX veka [Russia and the Kazakh steppe: administrative policy and the status of the outskirts. XVIII – first half of the XIX centuries]. M.: ROSSPJEN. 471 p. [in Russian]

Арынгазы Абулгазиев: непризнанный Российской империей казахский хан

Гульбану Б. Избасарова ^{a, *}, Назгуль Х-М. Хаджи-Мукан ^a

Аннотация. Статья посвящена непризнанному Российской империей казахскому хану Арынгазы Абулгазиеву (1785/1787–1833 гг.). В данном труде на основе архивных источников изучается жизнь и деятельность казахского чингизида, а также последние годы его жизни в Калуге. В исследовании анализируется эпоха правления чингизидов из дома Каипа (предков султана Арынгазы) в Хивинском ханстве, уделяется внимание взаимоотношениям чингизидов этого поколения с Российской империей, их попытке получить такие же льготы, как и потомки хана Абулхаира, выявлены причины конфликта Арынгазы Абулгазиева с хивинским ханом. В данной публикации изучаются взаимоотношения оренбургского военного губернатора П.К. Эссена с султаном Арынгазы и ханом Шергазы Айшуаковым, попытки П.К. Эссена назначить Арынгазы ханом Младшего жуза, деятельность А. Абулгазиева во время следования дипломатической миссии Я. Гавердовского в Бухару.

В исследовании анализируются причины возникновения кризиса верховной власти в Степи, причины перехода казахов из-под власти хана Шергазы Айшуакова к Арынгазы Абулгазиеву, политика последнего по укреплению своей власти в Младшем жузе. В статье приведены сведения по генеалогии казахских чингизидов.

Также в статье подробно исследуется деятельность Азиатского комитета МИД, на заседаниях которого решалась судьба чингизида Арынгазы Абулгазиева, а главное – существование верховной власти в Казахской степи. В данном труде выявлены причины задержания казахского правителя в столице и отправки его в ссылку, представлены сведения о членах его семьи и их жизни после смерти Арынгазы.

Ключевые слова: Арынгазы Абулгазиев, Шергазы Айшуаков, Российская империя, Хива, Казахская степь, Азиатский комитет, чингизиды, ханская власть.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: iz_gulbanu@mail.ru (Г.Б. Избасарова)